

особенностями храма (с тем, насколько длинным был путь от алтаря к месту чтения Священного Писания), которая определяла протяженность текста (косвенным подтверждением может служить разное количество строф одного и того же текста, встречающегося в различных источниках). Можно также предположить, что единого места у этих произведений в богослужебных традициях разных местностей не было.

Таким образом, исследование композиции рождественских кондуктов позволяет сделать вывод о том, что, будучи созданными в традициях христианской гимнографии, эти произведения отличаются рядом особенностей, обусловленных местом и временем их создания.

Литература

Аверинцев С. С. Другой Рим: Избранные статьи. СПб.: Амфора, 2005.

Гаспаров М. Л. Избранные труды, том 1. О поэтах. М.: Языки русской культуры, 1997.

Литературная энциклопедия в 11 томах / П. И. Лебедев-Полянский, А. В. Луначарский, И. М. Нусинов, Переверзев В. Ф., Скрыпник И. А. М. Т. 2. М.: издательство Коммунистической академии, 1929.

Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000.

Ellinwood L. The Conductus // The Musical Quarterly. Vol. 27.No. 2. 1941. Pp. 165–204.

Patrologiae. Cursus Completus. Series Prima. Patrologia Latina. T. L. 1865.

Patrologiae. Cursus Completus. Series Prima. Patrologia Latina. T. LI. 1861.

Patrologiae. Cursus Completus. Series Prima. Patrologia Latina. T. LXX. 1865

*Харахорина А. А., Екатеринбург
(науч. рук. – Соболева Л. С.)*

Измена, предательство и божественное возмездие в «Сказании» Авраамия Палицына (XVII в.)

Kharahorina A. A.

Treason, betrayal and divine retribution in the «Skazanie» of Avraamy Palitsyn (XVIII cent.)

Статья знакомит с образами злодеев и изменников в древнерусской литературе. В качестве объекта изучения выступает «Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря», написанное Авраамием Палицыным. Особое внимание уделяется основным способам создания образов злодеев и изменников. Помимо этого рассматривается влияние личности автора на

описываемые им события, а также особенности мировоззрения и мировосприятия русского человека XVII в.

Ключевые слова: Авраамий Палицын, Сказание, образ Злодея, образ изменника, литература Смутного времени.

The article acquaints the reader with images of villains and traitors in ancient literature. The object of study is the "Legend of the siege of the Trinity-Sergius monastery", written by Avraamy Palitsyn. Special attention is paid to the main methods of creating images of villains and traitors. In addition, the author considers the influence of the author's personality on the events described by him, as well as the features of the worldview and worldview of the 17th century Russian man.

Keywords: Avraamy Palitsyn, «Skazanie», the image of the Villain, the image of the traitor, the literature of the time of Troubles.

Изображение злодеев в мировой литературе различных исторических периодов является отражением существующих в обществе мировоззренческих устоев и нравственных противоречий. Рассматривать образы злодеев на примере текста, посвященного Смутному времени, может быть весьма интересно, именно потому, что в это время мировоззрение русского человека подвергается серьезному воздействию. Исторические события воспринимаются главным испытанием, через которое проходят герои, а такие ценностные ориентиры, как добро и зло, осмысляются не оторванными от событий окружающей действительности, а включенными в них. Авторское начало становится ведущим, а описание событий переходит в подчинение его политической позиции, и, порой, служит личным целям автора. Такие изменения приводят к осознанию неоднозначности поступков человека, что в свою очередь не может не повлиять на восприятие категорий добра и зла. В то же время продолжает существовать бинарное мироощущение. Поэтому все герои разделяются на положительных и отрицательных, правда разграничение это порой стирается. Именно эта историческая среда и порождает необходимость нового взгляда на изображение великих злодеев и изменников.

«История в память предъидущим родом» является популярнейшим публицистическим сочинением о Смуте. Она начала писаться после воцарения Михаила Федоровича как повесть о троицкой осаде 1608-1610 гг. «Сказание» об осаде (7-56-я главы по нумерации первой редакции) служит «ядром»

палицынской «книги». За исключением 53-й главы, оно появилось не позже 1617 г.». И было написано на основании личных наблюдений автора, собранных им чужих записок, свидетельств и воспоминаний [Солодкин 1992:38].

Можно подозревать, что «История» должна была не только описать события Смуты, но и оправдать, объяснить позицию автора. Эту точку зрения доказывает в статье ««Сказание» Авраамия Палицына и его автор» О.А. Державина. Авраамий (в миру Аверкий Иванов Палицын) был не только талантливым писателем и широко образованным для своего времени человеком, но и видным политическим деятелем. В 1588 году Аверкий подвергся опале. Вскоре он был пострижен в Соловецком монастыре под именем Авраамия. Что именно было причиной опалы точно не известно. Исследователи полагают, что Авраамий Палицын принимал участие в заговоре, организованном Шуйскими и ставившем целью развести царя Фёдора с Ириной Годуновой и этим вырвать власть из рук её брата – Бориса Годунова. Вступив на престол, он возвращает Палицына из ссылки. Но Авраамий не мог простить Борису Годунову такое наказание, в особенности пострижение, – в своем произведении он не щадит его и, обвиняет в тяжелых преступлениях, видит в нем одного из главных виновников последующих бед, пережитых страной.

12 сентября 1610 года Авраамий Палицын был одним из участников посольства под оккупированный польскими интервентами Смоленск. К Сигизмунду III выехало великое посольство «прошати на русский престол» королевича Владислава. Посольство не увенчалось успехом. В то время как главные послы – боярин В.В. Голицын и митрополит Филарет – продолжали отстаивать интересы посольства. Авраамий, получив от Сигизмунда охранные грамоты на земли и права монастыря, уезжает в Москву в январе 1611г.

«Дворянин по происхождению, он и остался им, надев монашескую рясу. Его политические убеждения – это убеждения основной части служилого дворянства» [Державина 1955:29]. За текстом стоит не келарь, а дворянин. Многие эпизоды в тексте выдают это. Например, мы не можем заметить

проповеди христианской морали «непротивления злу насилием». Наоборот, очень живо и с большой охотой он призывает к борьбе с интервентами. Рассказывает, как за четырех казаков, взятых в плен Лисовским воеводы Долгоруков и Голохвастов казнили 60 польских пленнх. Или же описывает, как создалось троицкое войско для захвата туров и как силы Божьи встали на помощь им. Восприятие той или иной исторической личности как злодея получает логичное обоснование, основывающееся не только на идеологических, но на политических и межличностных различиях во взглядах автора и изображаемых им героев.

Злодеи в «Сказании» изображаются разными способами. В основном это можно объяснить степенью враждебности к русским и тем вероисповеданием, к которому они принадлежат. В первую очередь следует говорить о польско-литовских интервентах. «Сказание об осаде монастыря изображает борьбу русского народа с врагами как борьбу «света» с «тьмой». Эта антитеза имела реальное основание, так как польские феодалы для русских людей были не только врагами, но и иноверцами, еретиками; поэтому борьба с ними являлась в глазах русских людей начала XVII века не только борьбой политической, но и религиозной и велась, как хочет показать Палицын, под покровительством «божественных сил». Отсюда и эпитеты, применяемые к врагам, – «тьма», «темная сила», «воинство сатанино», «демоны»» [Державина 1955:51].

В главе «Сказание, что ради Троецкой Сергиевъ Монастырь бысть во Осадѣ» перед читателем предстает образ пана Лисовского. «Злой враг кровопийц», «злонравный люторь», «беззаконный», «всегорький» – он становится воплощением демонических, богоборческих сил. Вообще детальное изображение образа Лисовского несомненно вызывает большой интерес, когда речь идет о злодеях «Сказания». Но с другой стороны возникает вопрос: что делает злодея-интервента «Великим врагом христианским»? Думается, автору было необходимо найти «лицо зла», его единичное воплощение. Авраамий Палицын совершает подобный ход для того, чтобы показать злодейство «сконцентрированным», еще в большей степени материализовать его. Сделав

это, автор дает совершенно точную картину врага читателю, таким образом воздействуя на его мироощущение. А Великим злодеем Лисовский становится благодаря той цели, которую ему дает автор: «одолѣти Господа Бога Вседержителя». В отличие от простых литовских воинов и русских изменников, думающих «о градоємствѣ по вся дни и нощи» он видит перед собой цель куда более масштабную, значимую. Каждый его жест и поступок связан со стремлением сотворить что-либо лишенное доброго умысла («беззаконный же Лисовской совашеся сюду и сюду, како бы что зло сотворити»).

Одним из способов приблизить образ Лисовского к образу Сатаны является сравнение его с хищниками – львом ревущим, змием, волком. Эти «звѣри, кровь пиющие» становятся символом нечеловеческой жестокости и противопоставляются стаду овец, оберегаемому Богом (служители и спасающиеся в монастыре). Все эти животные в библейской традиции становятся воплощениями дьявольского начала и придают образу Лисовского еще более четкую семантику «Врага Христианского».

Здесь же важную роль играют метафоры, описывающие его деяния. Они пронизаны мотивами разрушения и поглощения: «пришедшу Александру Лисовскому с полком своимъ на вылазныя люди и ядущу усты меча, яко волку агньцы». Всепоглощающее зло несет в себе хаос и разрушение, спасением от которых может стать лишь Божья защита.

Неслучайно именно три ранения получает Лисовский от троицкого воинства. Три, будучи сакральным числом, играет здесь роль символа победы божественного начала над бесовским.

Не менее интересны образы изменников. В то время как польских или литовских интервентов автор беспрепятственно может назвать злодеями, с отрицательно маркированными героями, исповедовавшими православие, дело обстоит иначе. Письменные памятники более раннего времени доказывают, что признание злодеем человека, принадлежащего к православию, невозможно. Получается, что автору нужно уже не просто показать злодеяния совершенные

против Государя или родной земли, а против Бога, то есть отстранить героя от религии. Этот прием сыграл большую роль в создании образов злодеев.

Для того, чтобы изобразить героя наиболее враждебно по отношению к христианству автор использует проведение параллелей с религиозными сюжетами. Так например, в главе «О измѣне казначеа Иосифа Девочкина» Авраамий сравнивает измену с деяниями Саула, Иуды, Ирода. Что в свою очередь возводит измену до злодейства великого, но в то же время всегда наказуемого Богом.

Сцены смерти являются тому доказательством. С одной стороны, это проявление Божьей кары за содеянное, с другой – материализованное воплощение метафоры измены вообще. Так, у изменника (имя его не называется), желавшего сбежать с вестью к интервентам разрываются жилы правой ноги у поясницы. Палицын не случайно выбирает именно такой вид Божьего наказания. Измена есть отказ от родного пространства, разрыв корней, побег, предательство не только места, но и того, что стоит за ним – государства и Бога.

Другое, еще более натуралистичное описание смерти представлено в вышеупомянутой главе «О измѣне казначеа Иосифа Девочкина». Внутреннее разложение героя – разложение духовных, нравственных составляющих общества, в котором возникает эта измена. Так раскрывается новый тип образа злодея. Изначально православный герой путем измены отступает от веры, от Бога и получает характеристику «богоотступник».

В конечном счете, перед читателем возникает несколько типов злодеев. Их можно разделить на: иноверцев и богоотступников (изменников).

Противостояние и первым и вторым не противоречит мировоззрению XVIIв. Потому что борьба с иноверцами приобретает характер сражения не только за Русскую землю, центр Православия, но и за веру вообще. Сражение же с изменниками (православного вероисповедания), несмотря на представление о том, что понятие злодейства тождественно преследованию православных христиан, легко объяснимо тем, что изменив своей земле,

убеждениям – они, в первую очередь, изменили собственной вере и воле Божьей.

Неспособность Авраамия Палицына полностью принадлежать ни светской, ни духовной жизни создает новый взгляд на восприятие мира. Но в такой его форме, которая еще способна подчиняться философии бинарных оппозиций. Таким образом перед читателем предстает отрицательный герой, свойственный литературе Смутного времени.

Литература

Авраамий Палицын. Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря [Электронные публикации Института русской литературы РАН]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10874> (дата обращения: 13.01.2018).

Державина О. А. «Сказание» Авраамия Палицына и его автор / под ред. Л.В. Черепнина // АН СССР, 1955. С. 16 – 63.

Солодкин Я. Г. Авраамий Палицын / Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1: А–З / АН СССР. ИРЛИ; Отв. ред. Д. С. Лихачев. – Л.: Наука, 1992. С. 36 – 44.

*Мамыкина Е. Е., Екатеринбург
(науч. рук. – Соболева Л. С.)*

Приемы преодоления ненависти и отчуждения в «Казанской истории»

Мамыкина Е. Е.

Methods of overcoming hatred and alienation in "Kazan history"

В статье актуализирована проблема авторской позиции, характерологической особенностью которой стала мысль о необходимости преодоления национальной и религиозной вражды между двумя народами, показаны художественные способы, которыми использованы автором для достижения данной цели.

Ключевые слова: *Казанская история, татары, Иван Грозный*

The problem of overcoming hatred of Tatars and the ways the author uses to achieve this goal.

Keywords: *history of Kazan, the Tatars, Ivan the terrible*

Одним из важнейших этапов формирования Российского государства стало присоединение Казани. Этот факт нашел свое отражение в «Повести о Казанском царстве». Нужно отметить, что данное произведение пользовалось